

Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 3 (108). С. 197–211.
Cherepovets State University Bulletin, 2022, no. 3 (108), pp. 197–211.

Обзорная статья
УДК 811.161.1.04
<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-3-108-15>

Второе южнославянское влияние: история и современное состояние проблемы

Елизавета Сергеевна Лихачева

Северный (Арктический) Федеральный университет им. М. В. Ломоносова,
Архангельск, Россия,
liza.lihachyowa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4174-8181>

Аннотация. В данной статье исследуется проблема второго южнославянского влияния на русскую письменность, являющаяся одним из противоречивых аспектов истории русского языка. Впервые она была поставлена А. И. Соболевским и в дальнейшем получила множество истолкований и решений (не имеющих статуса окончательных). В данной работе рассматриваются концепции, отражающие основные мнения по вопросу второго южнославянского влияния; характеризуется тенденция к некритичному восприятию представленной проблемы, отличающаяся безусловным принятием этого феномена. Далее определяются факторы, препятствующие объективному изучению указанного вопроса, а также намечается возможное направление дальнейших исследований.

Ключевые слова: древнерусский язык, графика и орфография, второе южнославянское влияние, архаизация письма, реставрация церковнославянского языка

Благодарность. Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора Л. В. Ненашевой.

Для цитирования: *Лихачева Е. С.* Второе южнославянское влияние: история и современное состояние проблемы // Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 3 (108). С. 197–211. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-3-108-15>.

The second South Slavic influence: history and current state of the problem

Elizaveta S. Likhacheva

Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov,
Arkhangelsk, Russia,
liza.lihachyowa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4174-8181>

Abstract. One of the controversial issues in the history of the Russian language is the problem of the second South Slavic influence on the Russian writing. Delivered by A. I. Sobolevsky, since then this problem has received a lot of interpretations and potential solutions, none of which, however, is still final. This article examines the main concepts on the issue of the second South Slavic influence that have developed at this time; in addition, the article describes the tendency of an uncritical attitude to this issue characterized by an unconditional acceptance of this phenomenon. Then the author

identifies the problems that can impede an objective research of this issue. Finally, the article outlines a possible way for further researches related to this phenomenon.

Keywords: Old Russian language, graphics and orthography, the second South Slavic influence, writing archaization, restoration of the Church Slavonic language

Acknowledgments. The research was conducted under the supervision of Doctor of Philological Sciences, Professor L. V. Nenasheva.

For citation: Likhacheva E. S. The second South Slavic influence: history and current state of the problem. *Cherepovets State University Bulletin*, 2022, no. 3 (108), pp. 197–211. (In Russ.). <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-3-108-15>.

Введение

Период с конца XIV в. по XVI в. в истории русской письменности считается наиболее спорным, противоречивым, а вследствие этого – наиболее обсуждаемым. Именно данному этапу развития русского письма посвящено множество исследований, в которых ученые пытаются охарактеризовать процессы, происходившие в древнерусской графике и орфографии. «Отправной точкой» для дискуссий стало следующее наблюдение: в рукописях этого времени вновь появились буквы и их сочетания, присущие графике и орфографии XII–XIII вв., но уже не употреблявшиеся в течение XIV в. Действительно, неожиданное обращение писцов к уже устаревшим на тот период графико-орфографическим нормам, сходным с южнославянскими (болгарскими и сербскими) образцами и словно бы «отрицающим» древнерусские нормы, сложившиеся к XIV в., неизбежно должно было вызвать вопросы. Обнаруженные учеными факты требовали научного обоснования, как минимум – убедительного объяснения. Вследствие этого в лингвистике появляется гипотеза о втором южнославянском влиянии на русскую письменность.

Термин «второе южнославянское влияние» был предложен А. И. Соболевским в 1894 г. в статье «Южно-славянское влияние на русскую письменность в XIV–XV веках». Именно Соболевский впервые отметил изменения в графике и орфографии русских рукописей, созданных, по его мнению, в период со второй половины XIV в. до середины XV в. Охарактеризовав обнаруженные изменения, ученый пришел к следующему выводу: «Ясно, что между половиною XIV и половиною XV в. русская письменность подпала под очень сильное влияние южнославянской письменности и в конце концов подчинилась этому влиянию. Это произошло благодаря усилившимся сношениям России с Константинополем и Афоном»¹.

Таким образом, в историю русского языка было введено новое понятие, которое в дальнейшем не только способствовало появлению многочисленных исследований, но и стало своеобразным «тупиком», куда ученых заводили их научные поиски. Анализ данного явления и дискуссии, посвященные ему, начались в конце XIX в. и продолжают до сих пор, поэтому проблема второго южнославянского влияния практически не решена; более того, она дополняется все новыми вопросами. Так, на сегодняшний день в лингвистике нет четкого научного определения самого термина «второе южнославянское влияние»; спорными остаются временные рамки, причины,

¹ Соболевский А. И. Южно-славянское влияние на русскую письменность в XIV–XV веках. Санкт-Петербург: Типография М. Меркушева, бывш. Н. Лебедева, 1894. С. 8.

участники, принципы и даже само существование этого феномена. Если же допустить, что указанное явление все-таки имело место, то необходимо отметить следующее: до сих пор не обозначены сферы, на которые оно распространялось. Можно ли включать в рамки вышеназванного процесса, помимо языка, литературу, иконопись, церковное пение? Испытали ли его не только графика и орфография, но и другие уровни языка – лексика, морфология, синтаксис? Этот неполный перечень вопросов показывает, насколько обширна и разнородна проблема второго южнославянского влияния. Тем не менее ученые постоянно пытаются найти ее решения. В настоящей статье мы кратко охарактеризуем основные точки зрения по вопросу второго южнославянского влияния, сложившиеся в науке на данный момент. С учетом масштабности рассматриваемой темы и области наших научных интересов представим обзор самых общих ее вопросов, ограничив его сферой древнерусского языка. Задача данного исследования состоит в том, чтобы обозначить основные направления поиска ученых, пытающихся найти решение проблемы второго южнославянского влияния.

Основная часть

Прежде всего рассмотрим мнения ученых, являющихся сторонниками существования второго южнославянского влияния. Согласно А. А. Шахматову, в XIV в., вместе с возвышением Москвы, началось «обновление» древнерусского литературного языка, происходившее в соответствии с южнославянскими письменными традициями. Исследователь не использует сам термин «второе южнославянское влияние», однако не сомневается в значительном воздействии балканских книжных традиций на русскую письменность с конца XIV в., которое было особенно заметным в области словообразования, лексики и фразеологии. Впрочем, Шахматов кратко отмечает и некоторые графико-орфографические изменения, наблюдаемые в этот период в русском письме¹. Все языковые новации, согласно Шахматову, являли собой масштабный процесс «обновления»: язык «освобождался» от местных и разговорных наслоений, чтобы, как прежде, «возвыситься» до статуса сакрального языка.

Подобно А. А. Шахматову, Б.-О. Унбегаун полагает, что второе южнославянское влияние затронуло, помимо древнерусской графики и орфографии, также словообразование, лексику и фразеологию. Согласно Унбегауну, церковнославянский язык Балкан был более «совершенным» и «более изысканным», нежели его русский извод; именно этим объясняется его существенное воздействие на русский вариант церковнославянского языка, который, являясь «несовершенным», не мог функционировать как язык богослужения².

В. В. Виноградов использует в своих трудах термин «второе южнославянское влияние», однако вкладывает в него иной смысл, подразумевая под влиянием лексико-фразеологические заимствования из старославянского языка, греческие кальки, а также южнославянские стилистические инновации в памятниках русской письмен-

¹ Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. Москва: Учпедгиз, 1941. С. 91.

² Unbegaun B. O. Le russe littéraire est-il d'origine russe? // Revue des Études Slaves. 1965. Т. 44, fasc. 1–4. Р. 21.

ности. С точки зрения Виноградова, именно процессы второго южнославянского влияния разграничивают два этапа развития русского литературного языка: первый – X–XIV вв., второй – с конца XIV в. (или начала XV в.) до середины или конца XVI в. В данный период, по мнению ученого, русская письменность, активно заимствуя из балканской и греческой письменных традиций, избавляется от местной и разговорной специфики. В это время литературный язык сакрализируется, становясь все более абстрактным и нормированным¹.

Согласно Б. А. Успенскому, в основе второго южнославянского влияния лежало стремление книжников «к очищению и реставрации» языка священных текстов². Указанное влияние заключалось в двух основных процессах: в реставрации церковнославянского языка, призванной вернуть его к изначальному, «подлинному» состоянию, и в «византинизации», т. е. ориентации на греческую культуру. Однако для Успенского южнославянское влияние не является механическим переносом балканских принципов письма в русские условия; причины этого влияния были русскими по своей природе. Именно русские, а не балканские книжники осуществляли данный процесс³. Действительно важным результатом южнославянского влияния Успенский считает не возвращение к устаревшим графико-орфографическим особенностям, а изменения в русских словообразовании и лексике⁴.

Д. С. Лихачев отмечает двойственный характер второго южнославянского влияния: ориентацию древнерусской письменности на балканскую письменную традицию и на византийскую книжность. Названное явление осуществлялось на Руси, согласно ученому, непосредственно (русскими книжниками) и опосредованно (южными славянами). Появившийся в это время на Руси младший полуустав служит очевидным доказательством зависимости русской графико-орфографической системы от графики балканских рукописей⁵. Впрочем, в сферу южнославянского влияния Лихачев, помимо графики и орфографии, включает также словообразование и стилевые новации.

Обоснованным, уместным термин «второе южнославянское влияние» считает М. Г. Гальченко. С точки зрения ученого, данный процесс заключался прежде всего в «копировании южнославянских (особенно болгарских) рукописей»; заимствуя новые балканские тексты, русские писцы подражали графике и орфографии болгарских источников⁶. Гальченко отмечает следующие результаты южнославянского

¹ Виноградов В. В. Основные вопросы и задачи изучения истории русского языка до XVIII в. // Вопросы языкознания. 1969. № 6. С. 28–29.

² Успенский Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). Москва: Гнозис, 1994. С. 54.

³ Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). Москва: Аспект Пресс, 2002. С. 275–283.

⁴ Успенский Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). Москва: Гнозис, 1994. С. 54.

⁵ Лихачев Д. С. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1958. С. 4.

⁶ Гальченко М. Г., Яценко А. Н. Палеографические и графико-орфографические особенности Лествиц 1421 и 1424 гг., написанных в Константинополе и на Афоне русским монахом

влияния: увеличение корпуса текстов русской литературы, изменения в русской графике и орфографии, распространение младшего полуустава, изменения в оформлении и орнаментике древнерусских рукописей и, наконец, стилистические новшества в оригинальных древнерусских текстах¹. Согласно исследователю, графико-орфографические особенности южнославянского влияния возникают в оригинальных русских текстах в 10–20-е гг. XV в.; наиболее же последовательными они становятся «...не позднее первой половины XV в.»².

По мнению Е. В. Чешко, книжники целенаправленно приносили в русскую письменность специфические черты, свойственные южнославянскому влиянию; точное следование писцов принципам оформления южнославянских текстов способствовало унификации, искусственному нормированию языка церковных книг, резко отличавшемуся от языка повседневной жизни. Ученый приходит к следующему выводу: «Максимальное приближение языка перевода к греческому тексту и архаизация письменного языка, изгнание из него всех элементов живого языка <...> становится идеалом и для русских книжников, правщиков и переписчиков церковных книг»³.

По словам Д. М. Буланина, крайняя малочисленность сведений о втором южнославянском влиянии не позволяет ученым игнорировать тот факт, что письменные памятники XIV и XV вв. в графико-орфографическом аспекте значительно отличаются друг от друга; если в первых отражена древнерусская графико-орфографическая специфика, то во вторых убедительно представлены южнославянские письменные нормы. По мнению исследователя, в период южнославянского влияния создавались рукописные копии, соответствовавшие новым требованиям письма, старые же рукописи вытеснялись из обихода. Отмечая значимость графико-орфографических изменений периода южнославянского влияния, Буланин полагает, что они являются лишь «эхом», одним из множества итогов встречи русской и южнославянской культур. Причиной же указанного процесса стала потребность в расширении книжного репертуара на Руси, а вовсе не подражание южнославянским традициям письма⁴.

Итак, нами кратко рассмотрены наиболее известные, на наш взгляд, представления о втором южнославянском влиянии сторонников его существования. Однако

Евсевием-Ефремом (к вопросу о втором южнославянском влиянии) // Вопросы языкознания. 1997. № 1. С. 31.

¹ Гальченко М. Г. Второе южнославянское влияние в древнерусской книжности (Графико-орфографические признаки второго южнославянского влияния и хронология их появления в древнерусских рукописях конца XIV – первой половины XV в.) // Гальченко М. Г. Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси. Избранные работы. Москва; Санкт-Петербург: Алетей, 2001. С. 325–326.

² Там же. С. 333–341.

³ Чешко Е. В. Второе южнославянское влияние в редакции псалтырного текста на Руси (XIV–XV вв.) // *Palaeobulgarica*. Старобългаристика. 1981. Вып. 5, № 4. С. 79.

⁴ Буланин Д. М. К изучению механизмов «второго южнославянского влияния» на русскую письменность // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2018. № 2 (10). С. 147–148.

далеко не все исследователи согласны с исходным утверждением А. И. Соболевского об указанном явлении. Не отрицая факт возникновения балканских и греческих графико-орфографических особенностей в русском письме, данная категория ученых связывает его с тенденцией к архаизации письма, считая термин «влияние» неуместным и не соответствующим языковой ситуации XV–XVI вв. Эту архаизацию могли обусловить не только языковые причины, но и историко-культурная ситуация, сложившаяся в то время на Руси. Здесь необходимо рассмотреть мнения таких исследователей, как Б. А. Ларин, Р. Пиккио, Л. П. Жуковская, Д. Ворт и Л. Г. Панин.

Б. А. Ларин отрицает существование второго южнославянского влияния, полагая, что с середины XV в. начинается иной процесс – «реставрация старославянского языка <...> и древнейшего русского языка домонгольской поры»¹. Он был вызван необходимостью «очищения» древнерусского литературного языка от местных особенностей для его дальнейшей трансформации в «общеславянский» литературный язык. Таковым в течение X–XI вв. являлся старославянский язык; следовательно, «...естественно было попытаться превратить русский литературный язык в общеславянский с помощью реставрации старославянских элементов»².

По мнению Р. Пиккио, изменения в русском письме XV в. обуславливались сложными культурными процессами, свойственными всей Восточной Европе данного периода, а не только Балканам. По этой причине исследователь считает ошибочным сведение этих процессов к понятию «влияние», предполагающему механическое заимствование одной традицией компонентов другой. Изменения в письме XV в. Пиккио рассматривает как закономерный результат стремления к «очищению» языка, т. е. возврат к «подлинному» языку Кирилла и Мефодия; в этом свете любая локальная языковая особенность – южнославянского ли, восточнославянского ли характера – воспринимается как «искажение», подлежащее «изгнанию» из «высокого» книжного языка. Итак, в данном случае нельзя говорить о конфликте восточно- и южнославянской письменных традиций – обе они выступают равно «искаженными» перед «подлинным» языком Кирилла и Мефодия. Здесь уместно говорить не о языковой борьбе, а о различных нормативных тенденциях в рамках одного сакрального языка. Сама реформа правописания патриарха Евфимия Тырновского служит убедительным доказательством того, что и на Балканах местные языковые особенности воспринимались книжниками как «искажения»; по мысли Пиккио, в XV в. на Руси мы наблюдаем сходные процессы «очищения» языка – но не стороннее влияние³.

Исследователь D. Worth считает термин «второе южнославянское влияние» некорректным в отношении древнерусской графики и орфографии. По мнению ученого, культурные и языковые процессы, наблюдаемые в XV–XVI вв., не были по происхождению южнославянскими, «чужими» для древнерусской культуры; их следует рассматривать как «автохтонные», «псевдоклассические», «архаизирующие» процессы. В этом отношении появление в рукописях уже устаревших к тому времени

¹ Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII в.). Санкт-Петербург: Авалон; Азбука-классика, 2005. С. 304.

² Там же. С. 306.

³ Пиккио Р. *Slavia Orthodoxa: Литература и язык*. Москва: Знак, 2003. С. 397–398.

написаний и букв – одно из частных свидетельств тенденции к архаизации. Данная тенденция, по мысли исследователя, наблюдается и в русской литературе этого периода, где она выражается, например, в усиленном использовании риторических средств, свойственных ранней древнерусской (а вовсе не сербской или болгарской) литературе¹.

Л. П. Жуковская рассматривает изменения в древнерусской графике и орфографии как реакцию на культурную, религиозную и политическую ситуацию, сложившуюся во второй половине XV в., когда Русь осталась единственным православным государством, обладающим политической независимостью; именно в это время на Руси возникает идея «Москва – третий Рим». Москва начинает восприниматься как духовная наследница Рима и Константинополя, как преемница и хранительница славянской письменности. «Вот здесь-то и возникает идея преемственности наследия письменного, в том числе даже в его графико-орфографическом аспекте», – замечает Л. П. Жуковская². Идея о преемственности письменных традиций могла быть выражена в возвращении к графико-орфографическим нормам XII–XIII вв. Согласно исследователю, изменения в русском письме стали следствием сознательной установки русских книжников на его архаизацию. Кроме того, Л. П. Жуковская обращается к одному из важнейших аспектов проблемы южнославянского влияния – датировке понимаемых под влиянием графико-орфографических процессов. Располагая новыми палеографическими методами и большим, в сравнении с А. И. Соболевским, количеством рукописей, ученый заключает, что архаизирующие процессы происходили в русской письменности веком позднее, «...т. е. во 2-й половине не XIV, а XV в., и захватывали XVI век, а не завершались в 1-й половине XV»³. Такое уточнение чрезвычайно важно для дальнейшего исследования южнославянского влияния: сдвиг его временных границ на целое столетие не позволяет объяснить архаизирующие тенденции в письме, к примеру, личной инициативой митрополита Киприана или непосредственным переносом на Русь болгарской письменной реформы конца XIV–XV в. Однако новая датировка архаизирующих процессов вполне соответствует периоду распространения идеи «Москва – третий Рим». Итак, благодаря трудам Л. П. Жуковской XVI в. также был включен в эпоху архаизации русского письма.

Для описания спорных явлений в древнерусском письме Л. Г. Панин вводит понятие «реформации» церковнославянского языка. Как и Б. А. Ларин, ученый полагает, что подражание балканским рукописям вовсе не было целью данных процессов; на самом деле она заключалась в утверждении церковнославянского языка как языка духовного единства славян. Согласно представлениям русских книжников, став еди-

¹ Worth D. Так называемое «второе южнославянское влияние» в истории русского литературного языка // Резюме докладов и письменных сообщений: IX Международный съезд славистов (г. Киев, сентябрь 1983 г.) / под редакцией Г. В. Степанова и др. Москва: Наука, 1983. С. 222–223.

² Жуковская Л. П. Грецизация и архаизация русского письма 2-й пол. XV – 1-й пол. XVI в. (Об ошибочности понятия «второе южнославянское влияние») // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому / под редакцией Л. П. Жуковской. Москва: Наука, 1987. С. 151.

³ Там же. С. 145.

ным сакральным языком, церковнославянский язык мог бы способствовать объединению славянских народов. По этой причине, по мысли Панина, русские книжники реформируют местный извод церковнославянского языка, чтобы максимально приблизиться «...к его истокам – старославянской и древнерусской традициям...»¹.

Кратко охарактеризовав аргументы представителей двух основных позиций по вопросу второго южнославянского влияния, мы считаем необходимым обратиться к тенденции, наметившейся в изучении данного вопроса в последнее время. Некоторые специалисты, освещающие в своих трудах проблемы рассматриваемого нами явления, безоговорочно принимают факт его существования; термин «второе южнославянское влияние» используется ими регулярно и некритично, а обычно понимаемые под ним процессы представляются несомненными, словно уже доказанными. Как правило, ученые употребляют указанный термин для общей характеристики русской языковой ситуации конца XIV–XVI в., а затем обращаются непосредственно к теме своего исследования. Безусловно, нет необходимости подробно освещать столь масштабный вопрос в каждом труде, с которым он, помимо всего прочего, порой имеет слабую связь. Однако, касаясь данной проблемы, ученый должен представить научному сообществу свою позицию, а не просто разделять наиболее распространенную точку зрения, иначе вся его дальнейшая работа неизбежно будет зависеть от заранее принятой им теории. К сожалению, современные исследователи нередко не рассматривают проблему второго южнославянского влияния критически, представляя его в своих трудах как уже доказанное явление. Приведем несколько примеров такой тенденции.

Подобный подход встречаем у В. В. Кавериной в ее статье «Орфография как индикатор общественного сознания», где ученый говорит о втором южнославянском влиянии и о об участии в его распространении митрополита Киприана как о неоспоримой данности: «...теперь [в XV в.] впервые была предпринята попытка централизованного установления правил правописания. На Руси эту инициативу проявил Киприан, болгарин или серб по происхождению, бывший на рубеже XIV–XV вв. московским митрополитом»². Анализируя Прологи XVI и XVII вв., И. Ю. Абрамова также уверенно пишет о южнославянском влиянии. Установка автора на его несомненность, на наш взгляд, и приводит исследователя к категоричным, нелогичным выводам: «Пролог XVI века, являясь памятником конфессионального жанра и находясь в хронологических рамках конца донационального периода, не мог не отразить черт так называемого “второго южнославянского влияния” и в целом процесса арха-

¹ Панин Л. Г. История церковнославянского языка и лингвистическая текстология. Новосибирск: Издательство НИИ МИОО НГУ, 1995. С. 17.

² Каверина В. В. Орфография как индикатор общественного сознания // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие: материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XX Кирилло-Мефодиевские чтения» (в рамках Международного Кирилло-Мефодиевского фестиваля славянских языков и культур, 22–24 мая 2019 года) / под редакцией М. Н. Русецкой. Москва: ГИРЯ им. А. С. Пушкина, 2019. С. 269.

изации языка»¹. Отсюда следует, что второе южнославянское влияние захватывало весь XVI в., было необходимой приметой религиозных текстов и исчезло в строго определенный момент – к началу «национального» периода русского языка. В. Н. Шапоренко, описывая Псалтирь с прибавлениями XV в., уверенно утверждает: «Рукопись была создана в то время, когда второе южнославянское влияние полностью охватило русскую письменность»². Анализируя Евангелие XIV в., А. И. Кузовенкова также характеризует южнославянское влияние как явление несомненное, что, вероятно, и приводит исследователя к нелогичному выводу: «...рукопись отражает высокую степень русификации славяно-книжного языка, которая впоследствии и вызвала реакцию в виде второго южнославянского влияния»³.

Наконец, некоторые ученые воспринимают проблему второго южнославянского влияния как слишком масштабную, противоречивую, требующую объективности и беспристрастности. В своих мнениях они умеренны и не признают крайностей, которыми порой грешат точки зрения как сторонников, так и противников рассматриваемого явления.

Таково, в частности, суждение М. В. Ивановой, полагающей, что осложняет проблему второго южнославянского влияния зависимость ученых от этого термина, до сих пор носящего условный характер и находящегося вне научной терминологии. «Главным виновником этого является слово “второе”: если есть “второе” влияние, то должно быть по меньшей мере “первое”. Но термина “первое южнославянское влияние” в нашей науке нет»⁴. Это и создает неблагоприятную ситуацию для функционирования термина «второе южнославянское влияние». Отсутствует не только сам термин, но и его научное определение, конкретное понимание того, какие процессы за этим термином должны стоять. В итоге каждый исследователь предлагает свое понимание указанного влияния. М. В. Иванова видит выход из создавшейся ситуации в следующем: необходимо дать второму южнославянскому влиянию четкую научную дефиницию, исключаящую возможность различных его интерпретаций, а также определить корпус текстов, отражающих явления, которые впоследствии будут охарактеризованы этим термином⁵.

Строго и беспристрастно подходит к проблеме южнославянского влияния В. М. Живов. По мнению ученого, оно имело место в древнерусской культуре, одна-

¹ Абрамова И. Ю. Сравнительная характеристика языка рукописного августовского Пролога второй половины XVI века и Пролога XVII века в аспекте «второго южнославянского влияния» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 4 (2). С. 419.

² Шапоренко В. Н. Некоторые графические и графико-орфографические особенности Псалтири с прибавлениями XV века из главного собрания Свято-Троицкой Сергиевой Лавры // Современные проблемы социально-гуманитарных наук. 2016. № 3 (5). С. 54.

³ Кузовенкова А. И. Фонетические инновации в Евангелии XIV века из фондов Научной библиотеки Казанского университета // Филология и культура. 2018. № 2 (52). С. 63.

⁴ Иванова М. В. Второе южнославянское влияние. Термин и сущность // Древняя Русь и Запад. Научная конференция. Книга резюме / под редакцией В. М. Кириллина. Москва: Наследие, 1996. С. 100.

⁵ Там же. С. 101.

ко для явлений, обычно понимаемых под ним, «...давно уже стоило бы найти более подходящее название»¹. Указанное влияние, как отмечает Живов, стало в среде славистов феноменом поистине мифологическим, а в его рамки специалисты включают самые разнородные процессы, характерные для древнерусской культуры XIV–XV вв.² Ученый полагает, что графико-орфографические изменения в южнославянском влиянии вторичны; главным его итогом было появление на Руси новых текстов. Изменения же в письме – закономерный результат историко-культурных условий: роста национального самосознания на Руси после монголо-татарского ига, нового расцвета литературного языка, который, при наступлении социально-культурной стабильности, становится готов к преобразованиям. В свете этой «готовности» прежняя языковая норма, «приспособившаяся» к местной специфике, понимается как «порча» языка; именно стремлением ограничить данный процесс можно объяснить возникновение в русских рукописях «новых» написаний³. Не слепое подражание южнославянскому письму, а осознанное стремление вернуться к исходной «чистоте» кирилло-мефодиевского языка, по мысли Живова, лежало в основе изменений русской графико-орфографической системы⁴.

Одной из последних работ, посвященных рассматриваемой проблеме, является статья Е. Н. Соколовой «Второе южнославянское влияние» на русскую письменность», опубликованная в 2020 г., где исследователь представляет собственное видение данного вопроса. Так, Соколова предлагает разграничивать (что редко встречается в научной литературе) результаты указанного влияния на литературу и язык Древней Руси. Ценно и ее замечание о том, что южнославянское влияние, было оно или нет, представляет собой многоаспектный феномен, который нужно изучать «...лишь с учетом совокупности всех его проявлений»⁵. Исследователь четко понимает, что причины южнославянского влияния необходимо искать в самой русской письменности; что его «историческим контекстом» следует считать идею духовного единства славян; что его результатом стало увеличение корпуса текстов, доступных русским книжникам.

Выводы

Итак, нами рассмотрены основные концепции, посвященные проблеме второго южнославянского влияния и разработанные в период с конца XIX в. по начало XXI в. Нетрудно заметить, что эти концепции различны как по степени охвата и разработки вопроса, так и по убедительности и оригинальности выводов. Их объединение в группы весьма условно, однако в целях систематизации материала мы попыта-

¹ Живов В. М. История языка русской письменности: в 2 т. Москва: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. Т. 2. С. 822.

² Там же. С. 822–823.

³ Там же. С. 822.

⁴ Там же. С. 833–834.

⁵ Соколова Е. Н. «Второе южнославянское влияние» на русскую письменность // Modern philosophic paradigms: interrelation of traditions and innovative approaches: materials of the VII international scientific conference (Prague, March 3–4, 2020). Prague: Vědecko vydavatelské centrum “Sociosféra-CZ”, 2020. P. 31.

лись это сделать, выделив теории сторонников, противников второго южнославянского влияния и ученых, настаивающих на его «демифологизации» и объективности при его исследовании. Нами также обозначена одна из тенденций современной науки – неаргументированное использование термина «второе южнославянское влияние» и представление связанных с этим процессом предположений как не подлежащих сомнению фактов. Думается, данная тенденция – именно в силу своей некритичности – в случае ее дальнейшего распространения будет тормозить решение проблемы второго южнославянского влияния и нивелировать аргументированные концепции ученых из трех вышеуказанных групп.

Анализ мнений по вопросу второго южнославянского влияния показал, что решение данной проблемы до сих пор не найдено. Это может быть обусловлено рядом причин. Во-первых, отмеченным М. В. Ивановой отсутствием термина, под которым могут подразумеваться самые разнородные явления. Во-вторых, зависимостью специалистов от данного понятия, не столько изучаемого, сколько, по справедливому замечанию В. М. Живова, мифологизируемого. Становясь исходным пунктом исследования, указанный термин зачастую замедляет, ограничивает его вместо того, чтобы приводить к новым убедительным выводам. Наконец, на наш взгляд, нерешенность проблемы второго южнославянского влияния вызвана ее чрезмерным объемом и зыбкостью границ того, что должно подлежать анализу. Возможно ли одному ученому охватить исторический, лингвистический, литературный, временной и множество других аспектов этого явления, которое к тому же не имеет четкого определения? Ответ очевиден.

Потенциальный выход из создавшейся ситуации мы видим в следующем. Помимо необходимости дать второму южнославянскому влиянию четкую характеристику, преобразования данного понятия в термин, в первую очередь требуется определить границы того, что исследует каждый ученый. Так, занимаясь графико-орфографическим аспектом второго южнославянского влияния, не нужно смешивать изменения в письме со стилистическими, литературными инновациями и иными культурными событиями. Разумеется, графика и орфография – это частные случаи более широкого культурного процесса, не изолированного от социальной жизни, истории, межславянских связей и т. д. Однако изменения в языке нельзя объяснять преимущественно экстралингвистическими факторами; как правило, законы, которым подчиняется язык, исходят из самой же языковой системы. Мы полагаем, что каждый аспект масштабной проблемы второго южнославянского влияния заслуживает отдельного и глубокого изучения. Иначе, исследуя этот вопрос без должного внимания ко всем его аспектам, специалисты рискуют осуществить лишь поверхностный анализ и сделать поспешные выводы, что и наблюдается в некоторых современных научных трудах. На наш взгляд, концентрация на одной или двух особенностях этого феномена (в то же время не исключая общий контекст!) будет более успешным вариантом его изучения. К примеру, исследователь может сосредоточиться на графико-орфографическом и морфологическом аспектах вопроса. Кроме того, следует согласиться с М. В. Ивановой, считающей необходимым введение новых, еще не изученных рукописей в научный оборот; их данные могли бы пролить свет на некоторые вопросы указанной проблемы – к примеру, уточнить датировку и

характер спорных языковых процессов. Думается, именно такой подход будет способствовать внесению ясности в проблему второго южнославянского влияния, а также более глубокому анализу русской графико-орфографической ситуации конца XIV–XVI в.

Список источников

Абрамова И. Ю. Сравнительная характеристика языка рукописного августовского Пролога второй половины XVI века и Пролога XVII века в аспекте «второго южнославянского влияния» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 4 (2). С. 419–422.

Буланин Д. М. К изучению механизмов «второго южнославянского влияния» на русскую письменность // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2018. № 2 (10). С. 141–166.

Виноградов В. В. Основные вопросы и задачи изучения истории русского языка до XVIII в. // Вопросы языкознания. 1969. № 6. С. 3–34.

Гальченко М. Г. Второе южнославянское влияние в древнерусской книжности (Графико-орфографические признаки второго южнославянского влияния и хронология их появления в древнерусских рукописях конца XIV – первой половины XV в.) // Гальченко М. Г. Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси. Избранные работы. Москва; Санкт-Петербург: Алетей, 2001. С. 325–382.

Гальченко М. Г., Яценко А. Н. Палеографические и графико-орфографические особенности Лествиц 1421 и 1424 гг., написанных в Константинополе и на Афоне русским монахом Евсевием-Ефремом (к вопросу о втором южнославянском влиянии) // Вопросы языкознания. 1997. № 1. С. 31–47.

Живов В. М. История языка русской письменности: в 2 т. Москва: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. Т. 2. 480 с.

Жуковская Л. П. Грецизация и архаизация русского письма 2-й пол. XV – 1-й пол. XVI в. (Об ошибочности понятия «второе южнославянское влияние») // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому / под редакцией Л. П. Жуковской. Москва: Наука, 1987. С. 144–176.

Иванова М. В. Второе южнославянское влияние. Термин и сущность // Древняя Русь и Запад. Научная конференция. Книга резюме / под редакцией В. М. Кириллина. Москва: Наследие, 1996. С. 99–101.

Каверина В. В. Орфография как индикатор общественного сознания // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие: материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XX Кирилло-Мефодиевские чтения» (в рамках Международного Кирилло-Мефодиевского фестиваля славянских языков и культур, 22–24 мая 2019 года) / под редакцией М. Н. Русецкой. Москва: ГИРЯ им. А. С. Пушкина, 2019. С. 268–274.

Кузовенкова А. И. Фонетические инновации в Евангелии XIV века из фондов Научной библиотеки Казанского университета // Филология и культура. 2018. № 2 (52). С. 61–64.

Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII в.). Санкт-Петербург: Авалон; Азбука-классика, 2005. 416 с.

Лихачев Д. С. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1958. 67 с.

Панин Л. Г. История церковнославянского языка и лингвистическая текстология. Новосибирск: Издательство НИИ МИОО НГУ, 1995. 217 с.

- Пиккио Р. *Slavia Orthodoxa: Литература и язык*. Москва: Знак, 2003. 720 с.
- Соболевский А. И. Южно-славянское влияние на русскую письменность в XIV–XV веках. Санкт-Петербург: Типография М. Меркушева, бывш. Н. Лебедева, 1894. 30 с.
- Соколова Е. Н. «Второе южнославянское влияние» на русскую письменность // *Modern philosophic paradigms: interrelation of traditions and innovative approaches: materials of the VII international scientific conference (Prague, March 3–4, 2020)*. Prague: Vědecko vydavatelské centrum “Sociosféra-CZ”, 2020. P. 27–32.
- Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). Москва: Аспект Пресс, 2002. 558 с.
- Успенский Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). Москва: Гнозис, 1994. 240 с.
- Чешко Е. В. Второе южнославянское влияние в редакции псалтырного текста на Руси (XIV–XV вв.) // *Palaeobulgarica. Старобългаристика*. 1981. Вып. 5, № 4. С. 79–85.
- Шапоренко В. Н. Некоторые графические и графико-орфографические особенности Псалтири с прибавлениями XV века из главного собрания Свято-Троицкой Сергиевой Лавры // *Современные проблемы социально-гуманитарных наук*. 2016. № 3 (5). С. 53–58.
- Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. Москва: Учпедгиз, 1941. 288 с.
- Unbegaun B. O. *Le russe littéraire est-il d'origine russe?* // *Revue des Études Slaves*. 1965. T. 44, fasc. 1–4. P. 19–28.
- Worth D. Так называемое «второе южнославянское влияние» в истории русского литературного языка // Резюме докладов и письменных сообщений: IX Международный съезд славистов (г. Киев, сентябрь 1983 г.) / под редакцией Г. В. Степанова и др. Москва: Наука, 1983. С. 222–223.

References

- Abramova I. Iu. *Sravnitel'naiia kharakteristika iazyka rukopisnogo avgustovskogo Prologa vtoroi poloviny XVI veka i Prologa XVII veka v aspekte "vtorogo iuzhnoslavianskogo vliianiia"* [Comparative characteristics of the language of the handwritten August Prologue of the second half of the 16th century and The Prologue of the 17th century in the aspect of the “second South Slavic influence”]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], 2010, no. 4 (2), pp. 419–422.
- Bulanin D. M. *K izucheniiu mekhanizmov "vtorogo iuzhnoslavianskogo vliianiia" na russkuiu pis'mennost'* [To the study of the mechanisms of the “second South Slavic influence” on Russian writing]. *Paleorosiiia. Drevniaia Rus': vo vremeni, v lichnostiakh, v ideiakh* [Paleorosia. Ancient Russia: in time, in personalities, in ideas], 2018, no. 2 (10), pp. 141–166.
- Vinogradov V. V. *Osnovnye voprosy i zadachi izucheniia istorii russkogo iazyka do XVIII v.* [The main issues and tasks of studying the history of the Russian language until the 18th century]. *Voprosy iazykoznaniiia* [Topics in the study of language], 1969, no. 6, pp. 3–34.
- Gal'chenko M. G. *Vtoroe iuzhnoslavianskoe vliianie v drevnerusskoi knizhnosti (Grafiko-orfograficheskie priznaki vtorogo iuzhnoslavianskogo vliianiia i khronologiiia ikh poivleniia v drevnerusskikh rukopisiakh kontsa XIV – pervoi poloviny XV v.)* [The second South Slavic influence in Old Russian bookishness (Graphic and spelling signs of the second South Slavic influence and the chronology of their appearance in Old Russian manuscripts of the late XIV – first half of the XV century)]. Gal'chenko M. G. *Knizhnaia kul'tura. Knigopisanie. Nadpisi na ikonakh Drevnei Rusi. Izbrannye raboty* [Book culture. Book writing. Inscriptions on icons of Ancient Russia. Selected works]. Moscow; St Petersburg: Aleteiia, 2001, pp. 325–382.
- Gal'chenko M. G., Iatsenko A. N. *Paleograficheskie i grafiko-orfograficheskie osobennosti*

Lestvits 1421 i 1424 gg., napisannykh v Konstantinopole i na Afone russkim monakhom Evseviem-Efremom (k voprosu o vtorom iuzhnoslavianskom vliianii) [Paleographic and graphic-spelling features of Ladders 1421 and 1424, written in Constantinople and on Mount Athos by the Russian monk Eusebius-Ephrem (to the question of the second South Slavic influence)]. *Voprosy iazykoznaniiia* [Topics in the study of language], 1997, no. 1, pp. 31–47.

Zhivov V. M. *Istoriia iazyka russkoi pis'mennosti: v 2 t.* [History of the language of Russian writing: in 2 vol.]. Moscow: Russkii fond sodeistviia obrazovaniu i nauke, 2017, vol. 2. 480 p.

Zhukovskaia L. P. Gretsizatsiia i arkhazitsiia russkogo pis'ma 2-i pol. XV – 1-i pol. XVI v. (Ob oshibochnosti poniatiiia “vtoroe iuzhnoslavianskoe vliianie”) [Greeksization and archaization of Russian writing in the second half of the XV – the first half of the XVI centuries (On the fallacy of the concept the “second South Slavic influence”)]. *Drevnerusskii literaturnyi iazyk v ego otnoshenii k staroslavianskomu* [The Old Russian literary language in its relation to Old Slavic; ed. by L. P. Zhukovskaia]. Moscow: Nauka, 1987, pp. 144–176.

Ivanova M. V. Vtoroe iuzhnoslavianskoe vliianie. Termin i sushchnost' [The second South Slavic influence. The term and its essence]. *Drevniaia Rus' i Zapad. Nauchnaia konferentsiia. Kniga reziume* [Ancient Rus and the West. Scientific conference. Summary Book; ed. by V. M. Kirillin]. Moscow: Nasledie, 1996, pp. 99–101.

Kaverina V. V. Orfografiia kak indikator obshchestvennogo soznaniia [Spelling as an indicator of social consciousness]. *Slavianskaia kul'tura: istoki, traditsii, vzaimodeistvie: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii “Slavianskaia kul'tura: istoki, traditsii, vzaimodeistvie. XX Kirillo-Mefodievskie chteniia” (v ramkakh Mezhdunarodnogo Kirillo-Mefodievskogo festivalia slavianskikh iazykov i kul'tur, 22–24 maia 2019 goda)* [Slavic culture: origins, traditions, interaction: Proceedings of the International research and practice onference “Slavic Culture: Origins, Traditions, Interaction. XX Cyril-Methodius Readings” (as part of the International Cyril and Methodius Festival of Slavic Languages and Cultures, May 22–24, 2019); ed. by M. N. Rusetskaia]. Moscow: GIRIA im. A. S. Pushkina, 2019, pp. 268–274.

Kuzovenkova A. I. Foneticheskie innovatsii v Evangelii XIV veka iz fondov Nauchnoi biblioteki Kazanskogo universiteta [Phonetic innovations in the lectionary of the 14th century from the academic library of Kazan Federal University]. *Filologiiia i kul'tura* [Philology and Culture], 2018, no. 2 (52), pp. 61–64.

Larin B. A. *Lektsii po istorii russkogo literaturnogo iazyka (X – seredina XVIII v.)* [Lectures on the history of the Russian literary language (from the X to the middle of the XVIII century)]. St Petersburg: Avalon; Azbuka-klassika, 2005. 416 p.

Likhachev D. S. *Nekotorye zadachi izucheniiia vtorogo iuzhnoslavianskogo vliianiia v Rossii* [Some directions for studying the second South Slavic influence in Russia]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1958. 67 p.

Panin L. G. *Istoriia tserkovnoslavianskogo iazyka i lingvisticheskaia tekstologiiia* [History of the Church Slavonic language and linguistic textology]. Novosibirsk: Izdatel'stvo NII MIOO NGU, 1995. 217 p.

Pikkio R. *Slavia Orthodoxa: Literatura i iazyk* [Slavia Orthodoxa: Literature and language]. Moscow: Znak, 2003. 720 p.

Sobolevskii A. I. *Iuzhno-slavianskoe vliianie na russkuiu pis'mennost' v XIV–XV vekakh* [South Slavic influence on Russian writing in the XIV–XV centuries]. St Petersburg: Tipografiia M. Merkusheva, byvsh. N. Lebedeva, 1894. 30 p.

Sokolova E. N. “Vtoroe iuzhnoslavianskoe vliianie” na russkuiu pis'mennost' [The “second South Slavic influence” on Russian writing]. *Modern philosophic paradigms: interrelation of traditions and innovative approaches: materials of the VII international scientific conference (Prague, March 3–4, 2020)*. Prague: Vedecko vydavatelske centrum “Sociosfera-CZ”, 2020, pp. 27–32.

Uspenskii B. A. *Istoriia russkogo literaturnogo iazyka (XI–XVII vv.)* [History of the Russian literary language (XI–XVII centuries)]. Moscow: Aspekt Press, 2002. 558 p.

Uspenskii B. A. *Kratkii ocherk istorii russkogo literaturnogo iazyka (XI–XIX vv.)* [Brief essay on the history of the Russian literary language (XI–XIX centuries)]. Moscow: Gnozis, 1994. 240 p.

Cheshko E. V. *Vtoroe iuzhnoslavianskoe vliianie v redaktsii psaltyrnogo teksta na Rusi (XIV–XV vv.)* [The second South Slavic influence in the editorial of the psalter text in Rus (XIV–XV centuries)]. *Palaeobulgarica. Starob'Igaristika* [Palaeobulgarica / Starobalgaristika], 1981, iss. 5, no. 4, pp. 79–85.

Shaporenko V. N. *Nekotorye graficheskie i grafiko-orfograficheskie osobennosti Psaltiri s pribavleniiami XV veka iz glavnogo sobraniia Svято-Troitskoi Sergievoi Lavry* [Some graphic and spelling features of the Psalter with additions of the 15th century from the main collection of The Trinity Lavra of St. Sergius]. *Sovremennye problemy sotsial'no-gumanitarnykh nauk* [Topical issues of social and humanitarian sciences], 2016, no. 3 (5), pp. 53–58.

Shakhmatov A. A. *Ocherk sovremennogo russkogo literaturnogo iazyka* [Essay on the modern Russian literary language]. Moscow: Uchpedgiz, 1941. 288 p.

Unbegaun B. O. *Le russe littéraire est-il d'origine russe?* *Revue des Études Slaves*, 1965, vol. 44, fasc. 1–4, pp. 19–28.

Worth D. *Tak nazyvaemoe "vtoroe iuzhnoslavianskoe vliianie" v istorii russkogo literaturnogo iazyka* [The "second South Slavic influence" in the history of the Russian literary language]. *Reziyume dokladov i pis'mennykh soobshchenii: IX Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov (g. Kiev, sentiabr' 1983 g.)* [Proceedings of the IX International Congress of Slavists (Kyiv, September 1983); ed. by G. V. Stepanov and others]. Moscow: Nauka, 1983, pp. 222–223.

Сведения об авторах

Елизавета Сергеевна Лихачева – аспирант; <https://orcid.org/0000-0003-4174-8181>, liza.lihachyowa@yandex.ru, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова (д. 17, наб. Северной Двины, 163002 Архангельск, Россия); **Elizaveta S. Likhacheva** – Postgraduate student; <https://orcid.org/0000-0003-4174-8181>, liza.lihachyowa@yandex.ru, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (17, nab. Severnoi Dvini, 163002 Arkhangelsk, Russia).

Статья поступила в редакцию 04.03.2022; одобрена после рецензирования 04.04.2022; принята к публикации 11.04.2022.

The article was submitted 04.03.2022; Approved after reviewing 04.04.2022; Accepted for publication 11.04.2022.